

На правах рукописи

Гиреев Шамиль Темирланович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНЫХ УБИЙСТВ**

**12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре уголовного права и процесса в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Официальные оппоненты: **Бабаев Михаил Матвеевич**
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник

Решетников Александр Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент,
ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Ведущая организация: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «**Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации**»

Защита диссертации состоится 12 декабря 2013 г. в 15.30 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.203.24, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов», по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов»

Текст автореферата и текст объявления о защите отправлены для размещения на сайте РУДН «__» ноября 2013 г.

Автореферат разослан «__» ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

Н.А. Селезнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Противодействие корыстным убийствам принадлежит к числу тех уголовно-правовых и криминологических проблем, актуальность которых не теряется по мере накопления научных знаний, прежде всего в виду крайне высокой степени общественной опасности и аморальности этих преступлений. Убийства вообще, а продиктованные корыстными побуждениями, в особенности, в любой общественной системе резонансны и опасны. Они посягают на основную и главную ценность человека – его жизнь, а потому борьба с ними всегда составляет приоритетное направление уголовной политики любого государства.

Несмотря на нисходящий статистический тренд, современные корыстные убийства, демонстрируют ряд крайне негативных криминологических характеристик: увеличение объемов латентности, резкую дифференциацию видов, устойчивую связь одновременно с бытовой и организованной преступностью и др., которые еще не в полной мере оценены наукой и правоприменителем, что, вне сомнений, не способствует оптимизации предупреждения этих преступлений и борьбе с ними.

Корыстные убийства представляются особым уголовно-правовым и криминологическим феноменом, одновременно объединяющим в себе черты насильственных и корыстных преступлений. Их распространенность является своеобразным индикатором общественной морали, показателем качества защищенности базовых социальных ценностей. Учитывая, что такие преступления характеризуются повышенной социальной опасностью, сложностью детерминирующего комплекса, неустранимостью последствий, проблема разработки механизмов противодействия этой разновидности криминального насилия приобретает особую актуальность.

Устанавливая нормативные основы противодействия корыстным убийствам, законодатель использует достаточно своеобразную конструкцию квалифицированного состава преступления. Разновидностями корыстных убийств (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) сегодня признаются: убийство из корыстных

побуждений, убийство по найму, а также убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом. Подобное решение законодателя, как показывает практика применения соответствующей нормы, не может быть признано безупречным и нуждается в отдельном и самостоятельном исследовании с позиций анализа социально-криминологической обусловленности запрета и соблюдения правил законодательной техники конструирования составов преступлений и дифференциации ответственности.

В оценке корыстных убийств на сегодняшний день существует еще целый ряд нерешённых теоретических и прикладных проблем, среди которых можно назвать проблемы генезиса уголовно-правовой нормы о корыстном убийстве, её социальных и криминологических оснований, неопределенность подходов к признаку корысти в этом насильственном преступлении, детерминации и профилактики корыстных убийств и др.

Эти обстоятельства влекут за собой неоднозначное понимание самой сути и содержания корыстного убийства и, как следствие, не способствует четкому определению объекта профилактического воздействия.

Таким образом, можно констатировать, что изучение уголовно-правовых и криминологических аспектов противодействия корыстным убийствам представляется весьма актуальным и значимым.

Степень разработанности темы. Попытки осмыслить природу, уголовно-правовые признаки и криминологические особенности убийств неоднократно предпринимались в науке. Из специалистов, внесших весомый вклад в исследование темы, следует выделить С.Н. Абельцева, Л.А. Андрееву, М.К. Аниянц, Ю.М. Антояна, Г.Н. Борзенкова, С.В. Бородина, М.Н. Гернета, Н.И. Загородникова, О.С. Капинус, Т.В. Кондрашову, А.В. Наумова, С.С. Овчинского, Т.А. Плаксину, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попова, Е.Г. Самовичева, М.Д. Шаргородского.

Вместе с тем специальных работ по проблематике именно корыстных убийств в отечественной юридической науке сравнительно немного. Они были предметом специального исследования Ю.И. Евстратова (1988 г.), Н.А. Останина

(1988 г.), В.И. Тройнина (1997 г.) и С.Х. Нафиева (1999 г.). Но на протяжении последних пятнадцати лет крупных исследований поднятой темы проведено не было. При этом в имеющихся научных сочинениях остались неисследованными вопросы исторической и социально-правовой обусловленности уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство, детерминационный комплекс этих преступлений, проблемы их общесоциального и специально-криминологического предупреждения, а также связанные с динамикой уголовного законодательства трансформации уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство. Отмеченный контур неисследованных проблем задает параметры и направления научного поиска, дополнительно актуализирует тему исследования.

Объект диссертации составляют уголовно-правовые и иные правоотношения, возникающие по поводу совершения корыстных убийств и их предупреждения.

Предметом исследования выступают нормы российского уголовного законодательства об ответственности за убийство, закономерности становления и тенденции развития учения об ответственности за убийство в отечественном уголовном праве, социальные явления и процессы, обуславливающие корыстные убийства, количественные и качественные характеристики этих преступлений, меры профилактического воздействия.

Цель диссертационного исследования заключается в аргументации новых научных положений, раскрывающих содержание уголовно-правовых признаков корыстного убийства и характеризующих особенности криминологического предупреждения этих преступлений в современный период.

Задачи диссертационного исследования заключаются в следующем:

- определить основные тенденции становления и развития норм отечественного уголовного законодательства и правовой мысли об ответственности за корыстное убийство;

- исследовать проблемы социально-правовой обусловленности действующей уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство;
- раскрыть уголовно-правовое содержание объективных и субъективных признаков состава корыстного убийства;
- изучить специфику дифференциации ответственности за корыстные убийства с учетом многообразия форм этого преступления;
- дать оценку количественных и качественных показателей криминологической характеристики корыстных убийств;
- провести типологизацию корыстных убийств;
- установить детерминирующие корыстные убийства причины и условия;
- определить основные направления повышения эффективности общесоциального и специально-криминологического предупреждения корыстных убийств.

Методологическая основа исследования. Исследование базируется на диалектическом методе научного познания с присущими ему принципами системности, комплексности, объективности и конкретности истины. В процессе подготовки диссертации использовался ряд частнонаучных методов: формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод статистического количественного анализа, статистический метод сводки и группировки данных, метод экспертного опроса, анкетирование, метод анализа документов.

Нормативную правовую основу исследования составили международные и российские правовые акты: Всеобщая декларация прав человека, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (РСФСР, СССР) и иные нормативные правовые акты, имеющие отношение к теме исследования.

Эмпирическая основа диссертации представлена результатами обобщения опубликованных материалов судебной практики Верховного

Российской Федерации (РСФСР, СССР) за период с 1961 по 2013 годы, итогами экспертного опроса 78 представителей правоохранительных органов (судей, прокуроров и следователей Следственного комитета Российской Федерации), результатами анкетирования 184 студентов юридических вузов, данными анализа 116 уголовных дел об убийствах, рассмотренных судами Москвы и Московской области за 2003 — 2012 годы, результатами статистического анализа данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Теоретическую базу исследования образуют положения уголовно-правового и криминологического учения о предупреждении преступлений против жизни, развитого в трудах Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, С.В. Бородина, А.А. Герцензона, Я.И. Гилинского, П.С. Дагеля, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, К.Е. Игошева, Н.Г. Кадникова, Л.В. Кондратюка, А.Н. Красикова, Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, А.И. Марцева, А.В. Наумова, В.С. Овчинского, Т.А. Плаксиной, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попова, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, С.В. Складорова, А.А. Толкаченко, А.Н. Трайнина, В.Д. Филимонова, М.Д. Шаргородского, А.М. Яковлева.

Научная новизна диссертации состоит в развитии понятийного аппарата уголовно-правовой науки за счет определения понятия «корыстное убийство»; разработке типологии корыстных убийств, учитывающей их современные особенности и тенденции развития; определении групп факторов, влияющих на современное состояние и структуру корыстных убийств; построении моделей теоретического понимания корыстных побуждений и оптимизации правоприменения в части трактовки признака корысти при совершении убийств; установлении ведущих тенденций в эволюции законодательства об уголовной ответственности за корыстные убийства; конкретизации подходов к механизмам профилактического воздействия на корыстно-насильственную преступность;

авторских предложениях, направленных на совершенствование уголовного закона и правоприменительной практики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отечественное уголовное право в части оценки корыстных убийств демонстрирует последовательное движение: а) к возрастанию значимости дифференциации ответственности на основе субъективных характеристик деяния, в ряду которых одно из первых мест занимает корысть; б) к расширению объема понятия корыстных убийств и дифференциации их видов; в) к созданию обобщающей конструкции корыстных побуждений, охватывающей содержанием мотивы и цели виновного; г) к установлению зависимости ответственности за корыстные убийства от уровня и значимости охраны отношений собственности.

2. Социальными основаниями дифференциации уголовной ответственности за корыстное убийство выступают не столько характер, степень общественной опасности и распространенность таких деяний, сколько факторы культурно-исторического и идеологического порядка. Установление повышенной ответственности за корыстное убийство обусловлено, прежде всего, необходимостью демонстрации и подтверждения идеологических основ российского общества и сложившейся в нем иерархии социальных ценностей, не допускающей инструментализации насилия в качестве средства удовлетворения материальных потребностей.

3. Установлены две конкурирующие модели понимания корыстных побуждений: а) корыстные побуждения как цель убийства; б) корыстные побуждения как мотив убийства. Последняя модель признается более совершенной. Она учитывает тенденции современного правоприменения и допускает квалификацию в качестве корыстного убийства как с прямым, так и с косвенным умыслом, а также при наличии иной, некорыстной цели у виновного (например, мести).

4. Корыстное убийство представляет собой умышленное лишение человека жизни, совершенное для удовлетворения материальных потребностей виновного (получения материальных выгод или избавления от материальных затрат),

возникших до момента начала совершения преступления и обусловивших его. Корыстный мотив следует признать обязательным и системообразующим признаком для всех разновидностей убийств, описанных законодателем в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Исходя из этого, для обеспечения системных начал уголовного закона, целесообразно исключить из анализируемого состава описание убийства, сопряженного с бандитизмом, основания криминализации которого аналогичны факторам усиления ответственности за убийства, совершенные в соучастии.

5. Типология корыстных убийств может быть построена на основании таких признаков, как характер устойчивости корыстной мотивации, степень распространенности преступления, особенности предмета и орудий посягательства, причины и обстановка совершения деяний, характер допреступных отношений между преступником и жертвой. В соответствии с этим выделяются относительно простые по механизму совершения ситуативные корыстные убийства (82,4%) и более сложные – устойчиво мотивированные (17,6%). Каждый тип обладает специфическими характеристиками, значимыми для организации профилактического воздействия.

5. Ведущими тенденциями в современной криминологической характеристике корыстных убийств выступают:

- сокращение их количества и удельного веса в общем числе убийств (в период с 1997 г. по 2012 г. более чем в 3,5 раза), обусловленное, снижением «эффективности» инструментального насилия в достижении корыстных целей;

- увеличение латентности не только за счет укрытия от регистрации, но и за счет внутривидовых преобразований самих корыстных убийств;

- формирование зависимости между уровнем социально-экономического развития региона и степенью распространенности того или иного типа корыстного убийства;

- стабильность структуры корыстных убийств, основную массу которых (75%) составляют убийства, сопряженные с разбоем.

6. Детерминация корыстных убийств определяется сложным механизмом взаимодействия общих причин преступности и индивидуально-психологических

особенностей личности: снижение инициативности отдельных социальных слоев в условиях слабой эффективности социальных лифтов закономерно ведет к маргинализации населения, алкоголизации, усугублению общего уровня социальной агрессии, и в конечном итоге, формированию фрустрированных личностей (исключенных), составляющих основной резерв корыстно-насильственной преступности. Между тем, в оценке генезиса таких преступлений следует учитывать, что значительное улучшение уровня жизни россиян, рост доходов и оздоровление социального статуса, хотя и приводит к сокращению «рациональных», устойчиво мотивированных убийств, однако не оказывает решающего влияния на ситуативные убийства из корысти.

7. Повышение эффективности общесоциального и специально-криминологического предупреждения корыстных убийств с учетом механизма их детерминации и типологических особенностей должно быть выстроено по следующим направлениям:

- блок разноуровневых мер, направленных на коррекцию субъективно искаженных ценностей и формирование нравственных идеалов;
- перечень мер, нацеленных на развитие инициативности граждан и сокращение темпов «исключения»;
- комплекс мероприятий профилактики ситуативной преступности;
- блок индивидуально-исправительных мер и мер, ориентированных на профилактику повторных преступлений.

Теоретическое значение исследования состоит в развитии таких разделов уголовно-правовой науки, как учение о преступлениях против личности и учение о вине, а также в развитии криминологических учений о противодействии криминальному насилию и о мотивации преступного поведения.

Практическое значение исследования выражается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы могут быть использованы в качестве методической основы для квалификации и профилактики корыстных убийств, как информационная основа совершенствования уголовного и предупредительного

законодательства, исходный материал для последующих научных разработок темы.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре уголовного права Российского университета дружбы народов. Сформулированные в ней основные теоретические положения и выводы докладывались на Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Краснодар, 2013); отражены в 6 опубликованных работах автора (в том числе в 3 статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ). Результаты исследования используются в практической деятельности 517 военного следственного отдела военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве.

Структура работы обусловлена ее целью и задачами и состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования и степень научной проработанности проблемы, раскрываются, цель, задачи, объект и предмет работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные о результатах апробации, а также формулируются основные положения, выносимые автором на защиту.

Первая глава «Уголовно-правовая характеристика корыстного убийства» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе работы – *«Эволюция уголовно-правовых норм и научной мысли об ответственности за корыстные убийства»* – рассматривается процесс конкретно-исторического развития норм уголовного законодательства об ответственности за корыстное убийство в Русской Правде, в Псковской и Новгородской судных грамотах, в Уставных книгах разбойного приказа 1555-1631 гг., в Соборном Уложении 1649 г., в Артикуле воинском 1715 г., в Своде законов Уголовных 1832 г., в Уложении о наказаниях уголовных и

исправительных 1845 г., в уголовном законодательстве советского периода и в иных исторических памятниках отечественного уголовного права, а также приводятся доктринальные воззрения по этому вопросу.

Обращается внимание, что корыстные криминальные посягательства на собственность традиционны для любой общественной системы. При этом насильственные криминальные посягательства на собственность обладают определённым признаком постоянства и традиционно оцениваются как наиболее опасные корыстные преступления. Первое упоминание о субъективных признаках преступления связано именно с нормативной оценкой корыстных побуждений при совершении убийства.

Древнерусское право рассматривало убийство в качестве самостоятельного преступления, совершение которого вкупе с корыстными посягательствами характеризовало его повышенную социальную опасность. Этот вывод дополнительно подтверждается санкциями, которые были установлены в Русской правде за сопряженные с разбоем убийства (поток и разграбление).

На протяжении веков, несмотря на изменяющиеся социально-политические и экономические условия, на Руси сложилась традиция законодательного определения корыстных убийств, как наиболее тяжких преступлений. Таковыми они были признаны в Псковской и Новгородской судной грамотах; за их совершение предусматривалось наказание в виде смертной казни.

Отмечается, что в первых отечественных кодифицированных сборниках – Судебниках 1497 и 1550 гг., – дифференциация ответственности, как и прежде, проводилась на примере корыстной мотивации при совершении убийств. В этот исторический период трансформируются представления о самой сущности преступления. Оно стало пониматься не только как нанесение материального или морального ущерба, но и как посягательство на существующий социальный и правовой порядок. В этом контексте самое суровое наказание, предусмотренное за корыстное убийство, наглядно отображало симбиоз государственных и частных интересов, оно подчеркивало социальную обусловленность такого вида квалифицированного убийства в исторической перспективе.

Отдельное внимание в силу источникового характера, особенностей составления, содержания и специфики регламентации ответственности за корыстное убийство уделяется анализу положений Уставной книги Разбойного приказа. Этим документом, основанном на положениях литовского законодательства, устанавливалось, что корыстные убийства есть квалифицированные обстоятельства таких преступлений как разбой, грабеж и «татинные дела». Таким образом, к середине XVII в. в отечественной практике законодательства формируется новый подход к регламентации уголовной ответственности за корыстные убийства. По сути, они становятся преступлениями, посягающими на собственность и интересы «элиты».

Традиция трактовки корыстных убийств как сопряженных преступлений была продолжена и в Соборном уложении 1649 г.

Принципиальные изменения в оценках корыстных убийств связываются со временем принятия Артикула воинского 1715 г., где о корыстном убийстве упоминается лишь контекстно. Однако это упоминание позволяет понимать корысть при убийстве как цель преступного посягательства. С этого же момента формируется подход к пониманию корыстных убийств вне связи с разбоем.

Неоднозначность в оценке корыстных убийств приводит к тому, что в Своде законов уголовных 1832 г., в главе второй «О смертоубийстве» среди квалифицированных видов убийства не встречается указания на корыстную цель как отягчающее обстоятельство. Однако в продолжение заложенной еще XVI в. традиции Свод законов признает разбой, сопряженный со «смертоубийством», квалифицированным видом этого насильственного посягательства на собственность.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., сохранив во многом традиционный подход к проблеме убийств, привносит новый взгляд на проблему субъективной стороны преступлений. В оценке корыстных убийств это проявилось в том, что такое преступление вновь стало признаваться квалифицированным по цели. Однако трактовка корысти применительно к убийству по Уложению 1845 г. была весьма широка.

На основании анализа положений законодательства и трудов криминалистов делается вывод о том, что законодателем XIX в. весьма условно было проведено различие между посягательством на имущество, сопряженным с убийством, и убийством из корыстных побуждений.

По Уголовному уложению 1903 г. корыстная цель признается наиболее опасным проявлением преступной воли при убийстве. При этом законодатель достаточно абстрактно подходит к содержанию квалифицированного признака убийства «из корысти». Отмечается, что регламентация повышенной ответственности за совершение корыстных убийств в Уголовном уложении 1903 г. формирует закономерность представлений о наиболее опасных мотивах и целях убийств в российской уголовно-правовой мысли и традиции законотворчества.

В истории советского уголовного права законодательные и доктринальные подходы к оценке признака корысти при убийстве находились в жесткой зависимости от социально-политических, идеологических особенностей и состояния правопорядка и далеко не всегда учитывали сложившиеся традиции в оценке этого признака.

Так, по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. корысть при убийстве понималась как мотив этого преступления и по своему правовому значению отождествлялась с ревностью и другими низменными побуждениями. Делается вывод о том, что подобное понимание слишком широко. Кроме того, отмечается, что подобная редакция уголовно-правовой нормы была ориентирована прежде всего на борьбу с бытовой насильственной преступностью.

Аналогичная трактовка корысти была представлена и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Однако за годы его действия, и в особенности в послевоенный период, после принятия ряда указов Президиума Верховного Совета СССР, выявилась несогласованность между санкциями за корыстные преступления (20 – 25 лет лишения свободы) и насильственные преступления (максимальное наказание за убийство составляло 10 лет лишения свободы). Попытки разрешить эту проблему были сделаны Верховным Судом СССР за счет представленной им рекомендации квалифицировать корыстное убийство как разбой, соединенный с

насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью, или тяжким телесным повреждением.

В советской юридической литературе предлагалось в этой связи трактовать корыстное убийство как преступление в том числе сопряженное с разбоем, грабежом и другими преступлениями корыстно-насильственной направленности.

Согласно положениям Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. к корыстным убийствам относились лишь те из них, в основе которых лежали сугубо корыстные побуждения виновного (желание приобрести выгоды имущественного характера или избавиться от материальных затрат).

Отмечается, что советский законодатель более не уравнивал корысть и иные низменные мотивы преступного посягательства (ревность, месть и т.п.), признав тем самым более высокую степень общественной опасности корыстного преступления и лица, его совершившего.

Вместе с тем в УК РСФСР 1960 г. не получает самостоятельной уголовно-правовой оценки признак убийства по найму, что по-видимому свидетельствовало об отсутствии социальных предпосылок к самостоятельной криминализации подобного рода деяний.

Во втором параграфе – *«Социальная обусловленность уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство»* – анализируются социально-правовые, культурно-исторические и идеологические основания установления повышенной уголовной ответственности за корыстное убийство по действующему уголовному законодательству России.

В уголовном законодательстве представлена сложная для восприятия сущности корыстного убийства законодательная конструкция, включающая различные виды проявления корысти. Для ее уяснения потребовалось обратиться к общему уголовно-правовому значению корысти и ее роли в конструировании состава убийства; оценить содержание корысти в контексте той социальной, уголовно-политической и криминальной ситуации, на фоне которой принималось уголовное законодательство 1996 г.; установить социальные основания усиления уголовной ответственности за корыстное убийство.

Подчеркивается, что в вопросе осмысления проблем криминализации отдельных мотивов и целей преступной деятельности лежит идея о непреступности любого человеческого побуждения.

Решение вопроса о значении признака корысти в составе убийства приводит к постановке и последовательному решению другого вопроса – о позитивном, нейтральном или негативном наполнении этого термина в тексте уголовно-правовой нормы.

Проведенный лексический анализ показал, что термин «корысть» обладает противоречивым значением и далеко не всегда раскрывается в негативном контексте.

В уголовно-правовых и криминологических исследованиях корысть, как правило, наделяется отрицательным нравственным оттенком, служит показателем эгоистического содержания поведения субъекта.

Аналогичным образом, в негативном значении, как показали результаты авторского социологического исследования, корысть в составе убийства воспринимается современным правоприменителем.

Со ссылкой на положения социологических и психологических школ указывается, что стремление к материальной выгоде является нормальным естественным стремлением любого человека. Лишь в случае выбора лицом противоправных способов удовлетворения корысти можно говорить о ее уголовно-правовом и криминологическом значении.

В то же время история отечественного уголовного законодательства фиксирует устойчивую традицию повышения ответственности за корыстные убийства, что в определенном смысле отражает и свидетельствует о наличии весьма прочных культурно-исторических основ соответствующего уголовно-правового запрета.

Вместе с тем констатируется необходимость более глубокого изучения истоков уголовно-правовой нормы о корыстном убийстве, а также указывается на важность объяснения причин повышения санкций за такие убийства. Значительное внимание уделяется исследованию социально-политических,

нравственных и иных факторов, лежащих в основе исследуемой уголовно-правовой нормы.

Отмечается, что разработка, обсуждение и принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. с учетом конституционно-правовых (идеологических) ориентиров осуществлялась на фоне весьма сложной криминальной обстановки в стране. Целый ряд неблагоприятных показателей, тормозящих развитие общества и угрожающих безопасности государства (эскалация насилия, увеличение числа совершаемых убийств, в том числе сопряженных с иными преступлениями, рост корыстной мотивации при совершении насильственных преступлений, увеличение числа убийств по найму и др.), обусловил социальную потребность в надлежащей правовой защите жизни человека от преступных посягательств, в том числе от тех, в основе которых лежат корыстные побуждения. Подобные обстоятельства объективно способствовали сохранению и утверждению идеи признания корысти обстоятельством, усиливающим ответственность за убийство.

Кроме того, особое внимание уделяется проблеме нравственного наполнения уголовно-правовых норм. Подчеркивается, что право и мораль обладают взаимным влиянием, имеют двустороннюю связь, что и предопределило подход к пониманию природы действующей нормы об ответственности за корыстное убийство.

Постулируется, что эта норма не только отражает потребность общества в повышенной защите нравственности («убийства из корысти аморальны по своей природе и разлагают общество»), но и свидетельствует о желании власти обеспечить защиту жизни путем формирования определенных нравственных представлений, выраженных в законе и преломленных сквозь призму отдельных уголовно-правовых запретов.

Рост объемов и интенсивности криминальных угроз в России конца прошлого столетия, вкупе с другими факторами, привели к падению ценности человеческой жизни в общественном сознании и «окорыстливанию» человеческих отношений. Эти процессы негативно повлияли на состояние

нравственности российского социума, деформировали социально-психологическую материю общества.

Включение законодателем в текст уголовного закона нормы об ответственности за корыстное убийство, было ориентировано среди прочего на подтверждение конституционно-установленной идеи высшей ценности человека. Таким образом, норма об ответственности за корыстное убийство имеет перед собой вполне ощутимый и явно определенный нравственный ориентир.

Кроме того, отмечается, что социально-политические условия принятия УК РФ 1996 г. наглядно отображают повышенную общественную опасность корыстных криминальных посягательств на жизнь, что является достаточным (непосредственным) основанием для выделения отдельной уголовно-правовой нормы.

В результате проведенного анализа делается вывод о том, что негативное наполнение признака «корысть» в составе убийства получает вполне соответствующее нравственным и социальным предпосылкам криминализации наполнение.

Приведенная аргументация позволила констатировать, что в процессе криминализации корыстных убийств были учтены такие основания как общественная опасность деяний, обладающих типовой степенью опасности, и их распространенность, а также необходимость приведения уголовного законодательства в соответствие с конституционно-правовыми предписаниями.

Существование уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство в действующем законодательстве полностью соответствует принципам, выражающим общественную необходимость и политическую целесообразность установления уголовной ответственности за подобного рода деяния.

Весьма детально изучается проблема соответствия действующей уголовно-правовой нормы о корыстном убийстве правилам дифференциации ответственности в уголовном законе.

В ходе исследования этого вопроса доказывается, что в действующем уголовном законодательстве при установлении повышенной уголовной

ответственности за корыстные убийства законодателем полностью соблюдены правила конструирования квалифицированных составов преступлений и учтены социальные основания криминализации соответствующих преступных посягательств.

Третий параграф – *«Уголовно-правовая оценка корыстного убийства по действующему законодательству»* – раскрывает объективные и субъективные признаки состава квалифицированного убийства и проблемы квалификации этого преступления.

Современный законодатель при формулировке исследуемой уголовно-правовой нормы прочно связал понятие корысти с термином «побуждения». Этот нетрадиционный для отечественной нормотворческой практики подход к определению корыстных убийств, не позволяет однозначно и категорично ассоциировать термин «побуждения» с такими субъективными признаками состава преступления, как мотив или цель.

В теории уголовного права и на практике корыстные побуждения, как правило, отождествляются с понятием мотива преступления. Значительно реже этот признак соотносится с уголовно-правовой категорией цель преступления. Отмечается, среди правоприменителей существует также «смешанный» подход к пониманию природы корыстных побуждений: они понимаются одновременно как мотив и как цель убийства. Все это свидетельствует о неоднозначности уголовно-правовой формулировки «корыстные побуждения» в составе убийства.

Выявленная проблема понимания субъективной стороны корыстного убийства и отчасти порождённая правоприменителем, во многом продиктована спецификой законодательной техники.

С учетом выявленных типов понимания корыстных побуждений предлагаются две модели разрешения обозначенной проблемы и оптимизации правового регулирования.

1. Корыстные побуждения при убийстве – цель извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат. Корректировка буквы уголовного закона в соответствии с этим определением корыстного

убийства, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, позволит, прежде всего, разрешить проблему определения формы вины в этом преступлении. В таких случаях установленная в законе цель будет однозначно определять форму вины и её вид. Корыстное убийство, понимаемое с позиции целевого подхода, должно будет признаваться только прямоумышленным преступлением. Предложенная модель потребует некоторой корректировки правил квалификации убийств.

2. Корыстные побуждения в убийстве – мотив преступления. Эта модель представляется более широкой по охвату, поскольку допускает совершение убийства как с прямым, так и с косвенным умыслом, при условии, что в основе лишения человека жизни лежали некоторые материальные потребности виновного. Такой вариант теоретической интерпретации корыстных побуждений, с учетом тенденций современной практики правоприменения, более предпочтителен. Однако для своего закрепления он требует не только терминологической корректировки текста уголовного закона, но и изменения понятия корыстного убийства, представленного в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ. Под таковым предлагается понимать убийство, совершенное для удовлетворения материальных потребностей виновного (получения имущественных выгод или избавления от материальных затрат).

Авторское понимание корыстных убийств позволяет с гораздо большим основанием признать корыстный мотив системообразующим признаком для всех разновидностей убийств, включенных законодателем в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это означает, что корысть является обязательным признаком всех убийств, получающих квалификацию по данной норме закона.

Отмечается, что в современной судебной практике убийства, сопряженные с разбоем или вымогательством, признаются разновидностями корыстных убийств, в связи с чем при их уголовно-правовой оценке специального указания на мотив в квалификационной формуле не требуется. Они представляют собой специальные виды корыстного убийства. Однако такого соотношения по признаку общей и специальной нормы не наблюдается при анализе наемных убийств и убийств,

сопряженных с бандитизмом, чем значительно подрываются начала системности уголовного закона.

В результате исследования этого вопроса, установлено, что объединение в одном пункте ч. 2 ст. 105 УК РФ признаков «корыстные побуждения» и «найм», не вполне оправданно.

Отмечается, что вопрос о включении в текст уголовно-правовой нормы об убийстве признака сопряженности с бандитизмом специально не изучался. При этом подчеркивается, что бандитизм как социальный феномен в 60-е годы XX века претерпел существенные, качественные трансформации и «переродился» из политического преступления в общеуголовное, корыстное.

Современная уголовно-правовая норма об ответственности за бандитизм (ст. 209 УК РФ) не содержит, в отличие от составов разбоя и вымогательства (также отнесенных законодателем к числу сопряженных с убийством преступлений), указания на корысть как обязательный конструктивный признак. В этой связи постановка в один ряд корыстных преступлений разбоя, вымогательства и бандитизма, как это имеет место в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не вполне оправданно.

В качестве промежуточного итога исследованию делается вывод о необходимости изменении действующей редакции п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. На основании теоретического анализа категории «побуждения», с учётом требований принципа системности, руководствуясь правилами законодательной техники и теоретическими представлениями о классификации квалифицирующих признаков убийства, предлагается редакция п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ:

«2. Убийство: ... з) по корыстным мотивам, а равно сопряженное с разбоем или вымогательством;».

Соответствующие предложения о корректировке уголовного законодательства заставили по-новому оценить проблемы дифференциации ответственности за корыстные убийства.

На разрешение квалификационных проблем при оценке корыстных убийств направлены следующие рекомендации:

1. Уголовно-правовая оценка убийства должна строиться, исходя из ведущего мотива деятельности субъекта преступления. С этих позиций определяется, что корысть, как мотив убийства, представляет собой продиктованные осознаваемыми потребностями побуждения, направленные на извлечение материальной выгоды или избавление от материальных затрат, возникшие до момента совершения преступления и обусловившие его.

2. Для признания убийства корыстным необходимо установить стремление виновного не просто к наживе, а к незаконному завладению имуществом или иными ценностями или иному получению материальной выгоды.

Разрешение проблемы разграничения корыстного убийства и убийства, сопряженного с разбоем или вымогательством предлагается проводить на основании анализа совокупности признаков объекта, объективной и субъективной стороны содеянного. В случае, если лицо, руководствуясь корыстными мотивами, совершает убийство в процессе нападения для извлечения материальной выгоды при заранее сформированном умысле, то такие действия следует квалифицировать по совокупности убийства, сопряженного с разбоем, и разбоя. Подобным образом предлагается оценивать и убийства, сопряженные с вымогательством. В остальных случаях содеянное подлежит квалификации по общей норме – как убийство с корыстным мотивом.

Вторая глава диссертации «Криминологическая характеристика и предупреждение корыстных убийств» посвящена анализу количественно-качественных характеристик корыстных убийств, их детерминации и проблемам повышения эффективности борьбы с ними.

В первом параграфе *«Криминологическая характеристика корыстных убийств в России»* раскрываются количественные и качественные характеристики корыстных убийств в России.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о наибольшей распространенности корыстных убийств в Приволжском, Сибирском и Центральном федеральных округах. Суммарная доля корыстных убийств, совершенных в этих трёх округах, составила 65% от числа всех преступлений

подобного вида, зарегистрированных в 2012 г. на территории Российской Федерации.

Наибольшей криминальной активностью в части совершения корыстных убийств характеризуются Сибирский, Северо-Кавказский и Северо-Западный федеральные округа. Среди субъектов Российской Федерации наиболее неблагоприятные показатели уровня корыстных убийств наблюдаются: в Кемеровской (0,87), Тамбовской (0,83), Новосибирской (0,66) областях, в республиках Северная Осетия - Алания (0,7), Карелия (0,62), в Забайкальском (0,63) и Пермском (0,6) краях.

Эмпирические материалы позволили выявить неоднозначную динамику корыстных убийств. Она носит волнообразный характер. Так, с 1997 г. по 2001 г. в стране отмечается положительная динамика корыстных убийств (показатель абсолютного роста – 746; темп роста составил 64%).

Период с 2002 г. по 2005 г. характеризуется относительной стабильностью в части регистрации корыстных убийств в стране. Среднегодовой показатель регистрации корыстных убийств в этот период составил 1542 убийства.

После 2005 г. на общефедеральном уровне наблюдается ежегодный спад числа совершаемых корыстных убийств. Абсолютное снижение равно 1212, темп снижения в 2012 г. по отношению к показателю регистрации 2005 г. составил 23%, а показатель снижения – 77%.

В целом же за исследуемый промежуток времени с 1997 г. по 2012 г. число всех зарегистрированных убийств сократилось в 2,2 раза, а число корыстных убийств уменьшилось более чем в 3,5 раза. Особо «экстремальным» в этом плане оказался период с 2005 по 2012 гг.

Отмеченный тренд снижения убийств, в основе которых лежат корыстные мотивы, слабо отражает реальную динамику этих преступлений. Эта тенденция идет вразрез не только с экспертными оценками, но и слабо коррелирует с тенденцией общего окорыстливания всей преступности, что дополнительно подчеркивает проблему растущей латентности корыстных убийств.

Средний удельный вес корыстных убийств в общей структуре

регистрируемых убийств составляет 5,1%. Максимальное значение удельного веса корыстных убийств наблюдалось в 2001 г. Тогда на долю корыстных приходилось 6,3% всех совершаемых убийств. Минимальный показатель удельного веса был зафиксирован в 2012 г. – 2,85%.

На этом основании выделяется тенденция серьезного сокращения удельного веса расследованных корыстных убийств в общем числе убийств, которая подтверждает и коррелирует с тенденцией сокращения абсолютных показателей регистрации корыстных убийств, что приводит к выводу о том, что корыстные устремления в последние годы стали все чаще реализовываться иными способами, не связанными с лишением жизни, а лишение жизни стало более интенсивно детерминироваться мотивами и побуждениями, не связанными с удовлетворением корыстных потребностей.

Верифицируется этот вывод также результатами сопоставления рядов данных, отражающих удельный вес корыстных убийств среди всех расследованных убийств и долю корыстных убийств в общем объеме преступлений с корыстной мотивацией. В результате такого сравнения обозначены следующие тенденции:

1. уменьшается доля корыстно-мотивированных преступлений среди всех расследованных дел об убийствах (с 10% в 2001 г. до 4,9% в 2012 г.);
2. сокращается удельный вес корыстных убийств в общем числе корыстно-мотивированных преступлений (с 0,4% в 2003 г. до 0,1% в 2012 г.).

Абсолютное большинство современных убийств, совершаемых из корыстных побуждений, как правило, сопряжены с разбойными нападениями. Это обстоятельство подчеркивает главную определяющую черту, присущую корыстным убийствам, – их ситуативный, импульсивный характер. На втором месте по степени распространенности находятся заказные (наемные) убийства (12,1%), которым в гораздо большей степени присущ рациональный, тщательно обдуманный подход. Наименее распространены (1%) на практике убийства с так называемой отложенной корыстью (сопряженные с вымогательством).

Изучение структуры корыстных убийств позволило построить их типологию. Предлагается разделять такие убийства на ситуативные с низким порогом мотивации и заранее обдуманные с устойчивой мотивационной установкой.

Первый тип (ситуативный) составляют корыстные убийства (82,4%), которые носят импульсивный характер и совершается в процессе разбоев, вымогательств и бандитских нападений. Они характеризуются ситуативностью, совершаются единолично либо в простом соучастии, объективная сторона таких убийств обычно связана с нападением на личность, цель совершения преступления – завладение движимым имуществом, находящимся при потерпевшем и не обладающим существенной экономической ценностью; такие убийства обладают рядом дополнительных специфических характеристик (время, место, способ действия, характеристики личности и потерпевшего, орудийность и др.).

Второй тип (устойчиво мотивированный) составляют менее распространенные (17,6%), но более сложные по механизму корыстные убийства. Они характеризуются трезвым, взвешенным, тщательно обдуманным подходом виновного к совершению преступления. Для таких убийств характерно сложное соучастие в преступлении, орудийность. Предметом преступного посягательства, как правило, выступают денежные средства в значительном размере или иные активы, обладающие весомым материальным выражением (в основном при наёмных убийствах), а также недвижимое имущество (преимущественно при совершении семейно-бытовых корыстных убийств).

Второй параграф *«Причины корыстных убийств»* раскрывает особенности детерминации корыстно-насильственных посягательств на жизнь.

В основу объяснения природы криминального поведения заложены классические постулаты отечественной криминологической теории. Подчеркивается особенность детерминации корыстных убийств: в их основе одновременно лежат причины, характерные как для насильственной, так и для корыстной преступности.

Отмечается, что применяемая законодателем техника использования мотивов при конструировании диспозиций уголовно-правовых норм нацелена, прежде всего, на дифференциацию уголовной ответственности и наказания. На самом же деле человек ведом множеством субъективных факторов, его поведение носит полимотивированный характер. Это обстоятельство делает не продуктивными любые попытки обосновать природу криминального поведения только через нормативно закреплённые признаки мотива преступления.

По этой причине каждый случай убийства, сопряжённого с посягательством на имущество, с позиции понимания его психологических причин, требует специального анализа. Однако на практике изучение психологической природы каждого корыстного убийства вряд ли возможно.

Исследование криминогенных факторов социального свойства потребовало обращения к теориям социального неравенства, социальной стратификации и социальных перемещений.

В итоге, утверждается, что природа корыстных убийств заключается в сложном механизме действия причин объективного свойства на личность, обладающую рядом индивидуально-психологических особенностей: снижение инициативности отдельных социальных слоев в условиях слабой эффективности социальных лифтов закономерно ведет к маргинализации населения, алкоголизации, усугублению общего уровня социальной агрессии, и в конечном итоге, формированию психопатических, фрустрированных личностей (исключенных), составляющих резерв корыстно-насильственной преступности; в свою очередь, «исключение» из социальных процессов зачастую приводит к тому, что личность, не готова (и не имеет навыков) к решению проблемных ситуаций и прибегает к насилию как к средству получения дохода.

В третьем параграфе – *«Основные направления повышения эффективности общего и специально-криминологического предупреждения корыстных убийств»* – предложены разноуровневые меры профилактики корыстных убийств, учитывающие их криминологические параметры, выделенные типы корыстных убийств и особенности детерминации этих преступлений.

Первостепенное внимание при осуществлении профилактических мероприятий необходимо уделить проблеме корректировки субъективно искаженных ценностей значительной части российского населения. Для этого предлагается сконцентрировать профилактическую работу по двум самостоятельным, но взаимообуславливающим направлениям профилактики:

- минимизация образа насилия как универсального средства разрешения конфликтов и достижения успеха в современных общественных практиках с одновременным формированием идей гуманности;

- расширение возможностей для реализации материальных потребностей (корысти) институциональными (легальными) способами.

Дискуссию и мероприятия по формированию нравственности в современных условиях целесообразно проводить в контексте проблем обеспечения общественной безопасности. Предполагается, что защита нравственности могла бы быть обеспечена прежде всего за счет развития и поддержки общих ценностных ориентиров. Для этого необходимо формирование единой идеологии, основанной на общегуманных конституционно-правовых и международно-правовых идеях. Реализацию этой задачи на первых этапах предлагается осуществить в рамках национальной Концепции идеологической безопасности, что будет укладываться в рамки неконкретизированного общепредупредительного воздействия.

Поскольку многие характеристики современной насильственной преступности заданы не только социально-экономическими и идеологическими факторами, но и тем, насколько эффективно осуществляется уголовно-правовой контроль над ней, особое внимание необходимо сфокусировать внимание на следующих направлениях, нацеленных на сокращение числа корыстных убийств:

1. повышение эффективности уголовно-правовых средств защиты собственности (уголовно-правовая борьба с экономической и корыстной преступностью);

2. увеличение криминотропных рисков за счет уголовно-правовых инструментов (особенно это актуально для корыстных преступлений, вероятность

изобличения преступника, при совершении которых весьма низка, что и порождает «выгодность» и «нормальность» их совершения).

На узкогрупповом профилактическом уровне предлагается усилить профилактическую работу в отношении так называемых «групп риска». Критерии включения эти группы должны среди прочего включать показатели «удовлетворенности жизнью». Кроме того, потребуются создание специальных профилактических учетов.

После чего предупредительную работу следует сконцентрировать по следующим направлениям:

- активизация борьбы с пьянством, алкоголизмом и наркоманией;
- усиление воздействия на объективные условия формирования личности (негативное влияние родителей, низкий культурный уровень семьи, общение с ранее судимыми лицами, бесконтрольность в образовательных учреждениях, беспризорность и т.п.);
- разработка и внедрение региональных программ психологической помощи населению, повышение популярности и доступности такой помощи для самых широких слоев населения;
- адекватность и оперативность реагирования на случаи совершения административных правонарушений в сфере охраны общественного порядка;
- активизация работы по выявлению преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности (краж, грабежей, разбоев и др.), в том числе на стадиях приготовления и покушения, а также более широкое применение уголовно-правовых с двойным превентивным потенциалом, направленных на сокращение криминального насилия (угроза убийством, хулиганство и др.);
- акцентирование внимания в рамках административного надзора за лицами, совершившими насильственные преступления, вернувшимися из мест лишения свободы;
- усиление пропаганды уголовного закона, увеличение количества и совершенствование форм профилактических мероприятий по ликвидации правовой безграмотности;

- включение в российскую практику зарубежного опыта принудительного направления в лечебно-трудовые профилактории для медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией и систематически нарушающих общественный порядок или права других граждан;

- совершенствование методик исправительного воздействия в рамках административного надзора посредством включения в административно-надзорную деятельность стимулирующих социальную активность мероприятий;

- разработка и внедрение программ адресной социальной помощи;

- активизация работы по выявлению и «антиобщественных молодежных группировок со склонностью к насилию»;

- усиление борьбы с незаконным оборотом оружия;

- проведение серии мероприятий по девиктимизации и т.п.

Повышение эффективности индивидуальной профилактики корыстных убийств возможно за счет:

- учета в индивидуально-профилактической работе субъективных (личностных) признаков-индикаторов (истинная мотивация, осознаваемая и переживаемая виновность, гипертрофирование материальных потребностей и ограниченность духовных или подмена их квазипотребностями и пр.);

- смещения внимания с уголовно-правовых признаков на психологические, медицинские (в том числе психиатрические), воспитательные и иные меры персонального исправительного воздействия и др.

В **заключении** диссертационной работы представлены основные выводы, предложения и рекомендации, сформулированные по итогам решения исследовательских задач.

**Основные выводы и положения, выносимые на защиту, опубликованы в
следующих научных изданиях автора:**

а) в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. **Гиреев, Ш.Т.** Проблемы противодействия коррупции (региональный аспект) [Текст] / Ш.Т. Гиреев // Пробелы в российском законодательстве. – М., 2010. – № 1. (0,32 п.л.).

2. **Гиреев, Ш.Т.** Ответственность за корыстные убийства в истории отечественного уголовного права X – XII вв. [Текст] / Ш.Т. Гиреев // Человек: преступление и наказание. – Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2013. – № 1. (0,34 п.л.).

3. **Гиреев, Ш.Т.** Некоторые вопросы социальной обусловленности уголовно-правовой нормы об ответственности за корыстное убийство [Текст] / Ш.Т. Гиреев // Общество и право. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2013. – № 3. (0,6 п.л.).

б) в иных научных изданиях:

4. **Гиреев, Ш.Т.** Проблемы противодействия коррупции как условия построения правового государства: международный опыт и проблемы его использования в России [Текст] / Ш.Т. Гиреев // «Россия – правовое государство: проблемы и пути формирования». Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Дербент: Дагестанский государственный педагогический университет филиал в г. Дербент, 2010. (0,30 п.л.).

5. **Гиреев, Ш.Т.** Социальные основания усиления уголовной ответственности за корыстное убийство [Текст] / Ш.Т. Гиреев // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – Ставрополь: Северо-Кавказский гуманитарный институт, 2013. – № 1. (0,44 п.л.).

6. **Гиреев, Ш.Т.** Корысть при убийстве – мотив или цель? [Текст] / Ш.Т. Гиреев // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Сборник материалов Всероссийской научно-практической заочной конференции. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2013. (0,30 п.л.).

Гиреев Шамиль Темирланович**Уголовно-правовая и криминологическая характеристика корыстных убийств**

Диссертация посвящена исследованию уголовно-правовых и криминологических проблем предупреждения корыстных убийств.

В работе установлены ведущие тенденции в эволюции законодательства об уголовной ответственности за корыстные убийства, сформулировано определение понятия «корыстное убийство», представлены модели теоретического понимания корыстных побуждений, проведена типология корыстных убийств, установлены факторы, влияющие на современное состояние и структуру корыстных убийств, конкретизированы меры профилактического воздействия на корыстно-насильственную преступность, аргументированы предложения, направленные на совершенствование уголовного закона и правоприменительной практики.

Результаты исследования способствуют развитию уголовно-правового учения о преступлениях против личности и криминологического учения о противодействии криминальному насилию. Выводы и предложения могут быть использованы в нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной и научно-исследовательской практике.

Gireyev Shamil Temirlanovich**Legal and Criminological Research of Lucrative Killings**

The dissertation is devoted to the study of legal and criminological problems of preventing lucrative killings.

In this paper we described the leading trends in the evolution of the law on criminal responsibility for lucrative killings, formulated a definition of "lucrative killing", presented models for theoretical understanding of lucrative motives, carried out a typology of lucrative killings, determined the factors affecting the current status and structure of lucrative killings, specified preventive measures to reduce lucrative violent crime, and argued in favor of the proposals aimed at improving the criminal law and law enforcement.

The results of the study contribute to the development of criminal law theory of crime against person and criminological theory of combating criminal violence. Conclusions and suggestions can be used in legislation, law enforcement and research practice.